

А. М. Введенский (СПбГУ)

СЛОВСОЧЕТАНИЕ «И ДО СЕГО ДНЯ» И ЕМУ ПОДОБНЫЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ¹

Повесть временных лет (далее — ПВЛ) — летописный свод начала XII в., сохранившийся в списках XIV—XVI в. Так как это исторический памятник, то в нем рассказывается о событиях прошлого и все повествование ведется преимущественно в прошедшем времени, кроме прямой речи. Но в некоторых случаях летописец, описывая прошедшие события, прибегает к глагольным формам настоящего времени.

Как правило, переход от повествования в прошедшем времени к повествованию в настоящем осуществляется в придаточном предложении. Главное предложение содержит форму глагола в прошедшем времени, а придаточное — в настоящем. Основная цель употребления такого придаточного, как представляется, апелляция к исторической информации главного предложения, ее актуализация для читателя.

Такие конструкции можно разделить на две группы.

Придаточные первой группы сообщают какую-то новую информацию, которая актуальна для времени написания летописной статьи, например: «А улчи, тиверьцы съдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, съдяху бо по Днѣстру или до моря, и суть гради их и до сего дне»².

Данная группа придаточных указывает на причинно-следственную связь — событие в прошлом становится причиной реалити и (или) события в настоящем, о котором сообщается в придаточном.

Использование придаточных второй группы летописцем в подобных контекстах — обращение к знаниям читателя, например: «И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору и погребша и на горѣ... кде ныне Ольминъ дворъ»³. Придаточные второй группы сообщают о событии, которое не связано причинно-следственными отношениями с событием главного предложения.

В большинстве случаев при актуализации информации о прошлом в придаточных используются различные темпоральные наречия и словосочетания, указывающие, как и настоящее время глагола, на факт существования реалити на момент записи.

Такими наречиями могут быть: «ныне», «до сего дня», «доныне», «доселе» и «до днешнего дня».

Вторая группа существенно отличается от первой с точки зрения употребления наречий времени. Во второй группе используется только одно из них — «ныне», в первой же группе «ныне» практически не используется, чаще всего употребляется словосочетание «и до сего дня».

В историографии этим контекстам ПВЛ посвящена лишь одна большая статья М. К. Каргера. Исследователь резюмирует: «Летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной “научной аргументации”, как бы подтверждающий историческое или полупоэтическое повествование ссылкой на разнообразие вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого» [Каргер, с. 64].

Обратившийся к подобным конструкциям в латиноязычных хрониках Яцек Банашкевич назвал латинскую формулу «usque in hodiernum diem» (и ей подобные), синонимичную летописному «и до сего дня», средневековыми знаками памяти. «Формула usque указывает, стало быть, на существование живой традиции какого-то факта, события и обнаруживает одновременно важное и актуальное значение этой традиции для местного общества» [Banaszkiwicz, s. 237].

Особняком стоит вопрос о появлении таких конструкций в тексте самой ПВЛ. М. К. Каргер считал, что данные конструкции появляются впервые в Своде Никона 1070-х годов, то есть на втором этапе составления летописных сводов XI в. С. М. Михеев с этим соглашается в своей реконструкции [Михеев, с. 72].

Эта идея кажется продуктивной, составитель Свода 1070-х годов почерпнул эти конструкции из одного из главных своих летописных источников: Хроники Георгия Амартола и (или) Хроники Иоанны Малалы. Данные византийские хроники насыщены такими конструкциями. Правда, нельзя исключать заимствование напрямую из библейских книг, что делает возможным появление таких конструкций в русском летописании на более раннем этапе.

Вернемся к причинам употребления данных конструкций в ПВЛ. Безусловно, большинство таких летописных контекстов связаны со знаниями летописца или его уверенностью в том, что сообщаемое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137-П.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

³ Там же. С. 23.

им является правдой. Но от исследователей как-то ускользнула одна важная деталь — летописцу также важно подчеркнуть правдивость своих знаний.

Элиот Оринг в своем исследовании показал различные нарративные стратегии, которые использует рассказчик для того, чтобы слушатель поверил в его рассказ. Одной из них является упоминание *physical evidence*, которые могут быть материальными объектами или объектами, созданными во время рассказа [Oring, p. 151].

Важно отметить, что отсылка к «достоверным артефактам» — вербальным или предметным — есть способ доказательства правдивости изложенного, но одновременно — это и стратегия. То есть чтобы доказать, что это правда, нужно сослаться на наличие этого здесь и сейчас.

На наш взгляд, в некоторых случаях и в употреблении летописцем придаточных первой или второй группы (чаще первой) прослеживается желание автора просто доказать правдивость излагаемых им фактов.

Это накладывает некоторые ограничения на интерпретацию конструкций с «и до сего дня» и подобных. Иногда мы имеем дело со стратегией летописца убедить читателя в том, что эти события действительно были. К примеру, сведение о том, что Святослав разбил грады, которые стоят «пусты до днешнего дня», не означает, что летописцу известно об этих пустующих городах или он что-то о них слышал, — вполне возможно, что летописец просто знал о походах Святослава, где тот разрушал или должен был разрушать города. Стоят ли они пусты, существуют в таком виде во время написания этих строк, летописцу неизвестно, он реализует свою стратегию — пытается убедить читателя в правдивости излагаемого материала.

К сожалению, отличить летописные контексты, где летописец уверен в своих знаниях, от тех, где он просто использует риторический прием, весьма затруднительно.

Литература

- Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М., Л., 1955. Т. 11. С. 59–71.
Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
Banaszkiewicz J. Usque in hodernum diem: sredniowieczne znaki pamieci // Przegląd Historyczny. 1981. 72/2. S. 229—238.
Oring E. Legendry and the Rhetoric of Truth // Journal of American Folklore. 2008. 121 (480). P. 127–166.

И. В. Вернер (Исл РАН)

ЦЕРКОВЬ И СОБОР В ПЕРЕВОДЕ ПСАЛТЫРИ 1552 Г. МАКСИМА ГРЕКА

Проблема передачи греческих лексем *ἐκκλησία* и *ναός* в славянских переводах Св. Писания привлекала внимание исследователей: отмечалась замена лексемы *церковь* на *храм* в соответствии с *ὁ ναός* в переводе Псалтыри 1552 г. Максима Грека, а затем у никоновских справщиков [Кравец, с. 262–264]; был сделан вывод о распределении вариантов перевода *церковь* и *храм* в зависимости от контекста, типа библейских книг и времени перевода: для кирилло-мефодиевской традиции характерен только вариант *церковь*, сохраняющийся в церковнославянских новозаветных текстах вплоть до Елизаветинской Библии 1751 г., однако Новый Завет Епифания Славинецкого последовательно использует только лексему *храм*, которая в более раннее время в некоторых контекстах встречается также в болгарских переводах Псалтыри, Апостола, Апокалипсиса и в толковых текстах [Пентковская, с. 101–104].

Проблема предпочтения одного из названных вариантов является не только и не столько проблемой унификации/дифференциации словоупотребления или изменения книжного узуса, сколько проблемой семантизации лексем, тесно связанной с экзегезой, в контексте конкретного перевода и, шире, в лингвокультурном контексте эпохи. В необходимости такого рассмотрения убеждает третий член оппозиции *церковь* — *храм* — *собор*. В отличие от *церкви* и *храма*, *собор* наделен более широким значением.

В библейских переводах, начиная с текстов афонской редакции, *храм* имеет значение иерусалимского храма, который может аллегорически толковаться как образ Христа или христианской церкви в целом. В максимальном объеме такая семантизация представлена в выполненном Максимом Греком в 1552 г. переводе Псалтыри (далее — П1552), в котором *ὁ ναός* во всех без исключения случаях переводится как *храм*. Речь идет и о иерусалимском храме, который Давид собирается возвести, и о небесном храме как месте присутствия Бога, и о земном храме как месте совершения таинств и жертвоприношений Яхве.

